

БУНТЪ АРХІЕПИСКОПА ИРИНЕЯ ВЪ ИРКУТСКѢ

въ 1831 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, въ «Очеркахъ и воспоминаніяхъ» Э. И. Стогова находится разсказъ о «бунтѣ» архіепископа Ириней въ Иркутскѣ. Событіе это, если только его можно назвать «бунтомъ» — относится къ 1831 году.

Вотъ всеподданнѣйшее донесеніе о немъ бывшаго тогда генераль-губернаторомъ Восточной Сибири Лавинскаго. Къ этому интересному документу присоединяемъ портретъ архіепископа Ириней. То и другое доставлено намъ однимъ изъ уважаемыхъ духовныхъ лицъ, извѣстныхъ всей Сибири ¹⁾.

Сообщ. А. Н. Сергѣевъ.

Одесса.

Всеподданнѣйшее донесеніе Николаю I ген.-губерн. Лавинскаго.

23-го сентября 1831 г.—Иркутскъ.

Вашему императорскому величеству осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести о слѣдующемъ необыкновенномъ поступкѣ преосвященнаго Ириней, бывшаго архіепископа иркутскаго.

Когда, по высочайше подтвержденному В. И. В-мъ, въ 18-й день іюля 1831 года, докладу святѣйшаго синода назначено удалить архіепископа Ириней, по замѣченному въ немъ разстройству умственныхъ способностей, отъ управленія епархіею и препроводить его съ нарочнымъ Вологодской епархіи во второклассный Спасо-Прилуцкій монастырь, то оберъ-прокуроръ св. синода, князь Мещерскій, отнесся ко мнѣ съ требованіемъ, дабы для сопровожденія преосвящен-

¹⁾ Гравюра академика Д. А. Сяркова съ живописнаго портрета архіепископа Ириней будетъ приложена къ одной изъ ближайшихъ книгъ «Русской Старинѣ».

Ред.

наго Ириней до Вологды командированъ былъ мною надежный чиновникъ, по снабженіи его надлежащею инструкціей, какимъ образомъ имѣть ему во время пути за нимъ, преосвященнымъ, приличное наблюденіе и какія употреблять предосторожности въ случаѣ, если бы оказалось въ положеніи его опасное разстройство, и чтобы, сверхъ того, оказано было со стороны моей и всякое другое содѣйствіе, въ чемъ оное потребно будетъ при отправленіи преосвященнаго Ириней.

Получивъ требованіе сіе 4-го числа сего сентября и выждавъ время, необходимое на сдачу преосвященнымъ въ вѣденіе духовной консисторіи имѣвшихся на рукахъ его казенныхъ суммъ и имущества и на исправленіе для предстоящаго дальняго пути экипажей его, каковое, по личной просьбѣ преосвященнаго, приказано было мною произвести немедленно въ здѣшнемъ ремесленномъ домѣ, я, наконецъ, 20-го числа сего сентября, назначилъ къ сопровожденію его состоящаго при мнѣ для особыхъ порученій, 8-го класса, Голубова, чиновника благонадежнѣйшаго, образованнаго и во всѣхъ отношеніяхъ способнаго исполнить съ точностью предлежавшую ему, по сему случаю, обязанность, коему и приказалъ явиться немедленно къ архіепископу, для предувѣдомленія о своемъ назначеніи.

Чиновникъ сей прибылъ къ нему въ домъ въ 8^{1/2} часовъ поутру и, по изъявленіи должной вѣжливости, сказалъ, что онъ избранъ къ путешествію ему до Вологды; но преосвященный Ириней, принявъ слова его въ видѣ принужденія къ выѣзду, и требуя отъ Голубова отвѣта: «по какому праву онъ намѣренъ схватить его?», сперва объявилъ, что онъ долженъ сдать соборъ и всѣ принадлежности имѣющему прибыть архіепископу Мелетію, а потомъ, постепенно уклоняясь отъ сего изреченія, произнесъ, что присланный указъ на счетъ смѣны его, Ириней, есть подложный, что онъ не признаетъ его дѣйствительнымъ, поелику всѣ именныя указы должны быть печатныя и что никакого архіерея Мелетія на мѣсто его не назначено; а затѣмъ, придя какъ бы въ изступленіе, вышелъ изъ занимаемаго имъ дома, украшенный орденомъ св. Анны перваго класса и панагією, и присовокупляя, что Голубовъ, какъ исполнитель ложнаго указа, первый лишится чиновъ и мундира, и что отдать себя гражданскому начальству онъ, Ириней, не хочетъ.

Такое движеніе преосвященнаго заставило слѣдовать за нимъ и чиновника Голубова, который, хотя и удостовѣрялъ его въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, что онъ отнюдь не для того явился, дабы схватить его, и что время отправленія его, архіепископа, вовсе не принужденно, но онъ ничего не слушалъ, а взялъ Голубова за

руку, и схватилъ даже за шпагу и за борть мундирнаго воротника; приближался въ такомъ положеніи къ стоящему у собора часовому и приказалъ, какъ ему, такъ и собравшимся на дворъ казначею и служителямъ своимъ, защищать себя отъ насилія, а Голубова задержать; между же тѣмъ еще послалъ за часовыми, по прибытіи коихъ съ ближайшаго московскаго пламбаума, далъ и имъ приказаніе вести означеннаго чиновника на гаубтвахту. Голубовъ, предвидя, что сіе рѣшительное намѣреніе архіепископа можетъ произвести большое смятеніе въ городѣ, хотѣлъ, съ помощью казначея и служителей, не допускать его къ выходу изъ соборнаго двора къ помянутому пламбауму, откуда, по произнесеніи пресвященнымъ къ солдатамъ: «Православные воины, защитите меня!» отправились они на главную гаубтвахту въ сопровожденіи солдатъ и постепенно стекавшагося народа.

На пути семь архіепископъ всѣмъ встрѣчавшимся лицамъ объявлялъ, что Голубовъ хотѣлъ внезапно схватить его, не допустить къ сдачѣ собора, зарѣзать его на пути и потомъ сказать, что онъ, въ помѣшательствѣ ума, зарѣзался самъ, и проч.

Наконецъ, прибыли они къ главной гаубтвахтѣ, гдѣ встрѣчены плацъ-маіоромъ и дежурнымъ офицеромъ, и вступили въ кордегардію, откуда Голубовъ, не взирая уже на настояніе архіепископа о задержаніи его, рѣшился отправиться ко мнѣ для увѣдомленія о происшедшемъ.

Между тѣмъ, когда народъ началъ примѣтно стекаться и плацъ-маіоръ, для предосторожности, составилъ фронтъ, то архіепископъ, вставая въ ряды солдатъ, провозглашалъ и къ нимъ, что указъ объ устраненіи его есть ложный и поддѣльный, приводя въ доказательство, что оный нигдѣ не напечатанъ и что непечатнымъ указамъ вѣрить не должно, призывалъ солдатъ на помощь свою, говоря, что готовъ умереть съ ними, и заклиналъ ихъ заступиться за него, выручить его, избавить отъ преслѣдующихъ, во имя Бога, вашего императорскаго величества, религіи и закона, произнося все сіе въ величайшемъ изступленіи и съ необыкновенною запальчивостью; обратился онъ потомъ къ народу, собравшемуся на площади, и, поднимая руки къ небу, умолялъ и заклиналъ выручить его, изъясняя, что его хотятъ посадить въ тюрьму и зарѣзать; что указа объ отрѣшеніи его никогда не бывало, что все это подлогъ и обманъ, что никакой архіепископъ Мелетій въ Иркутскѣ на его мѣсто не ѣдетъ, что никакого Мелетія не существуетъ, что ложнымъ слухамъ вѣрить не должно по высочайшему манифесту, 7-го августа 1831 г., а что тогда, какъ нелѣпыя слухи распространяются, духовенство не ис-

подняеть дѣйствительнаго повелѣнія объ отправленіи молебствія о новорожденномъ Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Прибывъ въ минуту сихъ вовглашеній на гаубтвахту и замѣтивъ начинавшееся въ народной толпѣ нѣкоторое волненіе, я старался всемірно уговорить архіепископа, чтобы онъ возвратился домой, не представлялъ изъ себя для войска и народа соблазнительнаго зрѣлища; но сначала никакія убѣжденія не въ силахъ были укротить его. Наконецъ, успокоившись нѣсколько, онъ просилъ призвать коменданта, за которымъ уже передъ тѣмъ послалъ съ гаубтвахты чиновника, и когда онъ, комендантъ, вскорѣ послѣ сего прибылъ, то архіепископъ согласился уже идти съ нимъ въ келью, куда и отправился, бывъ сопровождаемъ лично мною и нѣкоторыми изъ чиновниковъ.

«На семь обратномъ пути преосвященный Ириней повторялъ неоднократно свои слова о подложности будто бы указовъ объ немъ, и что онъ есть настоящій архіепископъ иркутскій и Мелетія никакого не будетъ, восклицалъ, что онъ ввѣряеть себя христіанскому воинству, прося избавить его отъ отсылки»¹⁾).

Наконецъ, по достиженіи архіепископомъ дома, послѣдовавшая за нимъ чернь, успокоенная, что пастырь уклонился къ себѣ, начала повемногу расходиться. Преосвященный, вступя со мною, комендантомъ и сопровождавшими чиновниками, въ келью своей продолжалъ произносить то же, что на гаубтвахтѣ и на улицахъ, прибавлялъ многія угрозы и укоризны и призывалъ въ свидѣтели Бога живаго, что указа о немъ никакого нѣтъ, что все это подлогъ и обманъ, что онъ изъ Иркутска не выѣдетъ и особенно съ чиновникомъ Голубовымъ, потому что сей его, Ириней, зарѣжетъ, и т. п.

По всѣмъ таковымъ поступкамъ архіепископа Ириней я долженъ былъ предположить двояко: что онъ или дѣйствительно помѣшался въ разсудкѣ, или имѣлъ въ предметѣ какое-то злоумышленіе, ибо представилъ себя на гаубтвахтѣ солдатамъ и народу въ видѣ угнетаемаго и преслѣдуемаго и, стараясь внушить всѣмъ мысль, что здѣшнее мѣстное начальство, составя фальшивыя о немъ бумаги, дѣйствуетъ въ отношеніи къ нему произвольно, унижая и посрамляя архіерейскій санъ, онъ легко могъ подвергнуть людей легковѣрныхъ къ самымъ преступнымъ покушеніямъ, осуществленіе коихъ

¹⁾ Строки, поставленныя въ вносныхъ знакахъ, приведены изъ другаго списка донесенія генералъ-губернатора Лавинскаго, сообщеннаго намъ изъ Сибиря, изъ г. Омска.

считали-бы они, по превратности понятій своихъ, въ защиту пастыря, призывающаго ихъ къ сѣму всѣми священными именами, и въ сѣ забывчивости могли бы произвести самый мятежъ, со всѣми ужасными его слѣдствіями. Во всякомъ случаѣ, обязанность, всемилостивѣйше возложенная на меня вашимъ императорскимъ величествомъ, и сопряженный съ оною священный долгъ охранять спокойствіе и благосостояніе жителей ввѣреннаго мнѣ края—требовали отъ меня неукоснительнаго принятія рѣшительной мѣры, чтобы и самое помышленіе о возможности произойти здѣсь какому либо, отъ побужденія архіепископа Иринея, несчастному событію не имѣло мѣста; почему я приказалъ коменданту ко всѣмъ выходамъ архіерейскаго дома поставить тотчасъ военный караулъ, съ строжайшимъ воспрещеніемъ выпускать преосвященнаго Иринея куда либо изъ келіи, а равно и впускать къ нему кого либо, кромѣ духовныхъ лицъ и медика, его пользующаго, и объявя самому ему, именемъ вашего императорскаго величества, что въ семъ положеніи долженъ онъ оставаться до воспослѣдованія высочайшаго вашего разрѣшенія. Дождавшись пока всѣ караульные были поставлены на мѣста и видя, что мѣра сія нѣкоторымъ образомъ укротила изступленіе его, преосвященнаго, я оставилъ его, употребивъ прежде всѣ должныя убѣжденія, дабы успокоился, и далъ нужныя наставленія окружающимъ его монахамъ и прислужникамъ.

Послѣ сего принялъ я надлежащія предосторожности къ успокоенію всѣхъ городскихъ жителей, а коменданту далъ формальное предписаніе, чтобы онъ, съ своей стороны, дѣятельно наблюдалъ за исправностью поставленныхъ къ архіерейскому дому карауловъ и за точнымъ исполненіемъ даннаго имъ приказанія.

Такимъ образомъ, по приведеніи всего въ порядокъ, 20-е число сентября прошло благополучно. Различныя толки въ народѣ продолжались еще 21-го сентября, но настоящаго числа пресѣклись. Между тѣмъ медикъ, навѣщавшій, по порученію моему, преосвященнаго Иринея, нашель, что хотя онъ сдѣлался спокойнымъ и явныхъ признаковъ помѣшательства не оказываетъ, но тѣмъ не менѣе не перестаетъ твердить о подложности послѣдовавшихъ о немъ указовъ.

Отправляя сіе донесеніе съ нарочнымъ курьеромъ, имѣю счастье вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доложить, что описанные мною поступки и дѣйствія архіепископа Иринея удостоенны двумя актами, составленными съ воинской и гражданской стороны чиновниками, бывшими лично свидѣтелями всего происшествія.

Не полагаю, чтобы и съ прибытіемъ сюда преосвященнаго Мелетія, назначеннаго архіепископомъ въ Иркутскъ, преосвященный Ириней, рѣшившійся на столь необыкновенное дѣяніе, согласился добровольно отправиться въ назначенный для пребыванія его вологодской епархіа Спасо-Прилуцкій монастырь. Не крайней мѣрѣ, смѣю мыслить, что препровожденіе его отсюда съ однимъ гражданскимъ чиновникомъ не можетъ быть порукою, что онъ и въ продолжительномъ пути своемъ не отважится на какое либо новое вредное предпріятіе, а при томъ полагаю, что ежели онъ рѣшительно будетъ упорствовать въ выѣздѣ изъ Иркутска, то самый санъ архіепископа не дозволитъ употребить надъ нимъ обыкновенныхъ полицейскихъ мѣръ; почему и испрашиваю высочайшаго вашего императорскаго величества соизволенія на присылку сюда, для выполненія высочайшей воли вашей, какая по сему донесенію послѣдуетъ, одного изъ флигель-адъютантовъ вашего величества, или другой уполномоченной особы.

Примѣчанія. I. Это донесеніе было отправлено Лавинскимъ 23-го сентября 1831 года, съ нарочнымъ курьеромъ. 20-го ноября прибылъ въ Иркутскъ флигель-адъютантъ Гогель, а 26-го ноября, ночью, преосвященный Ириней былъ увезенъ изъ Иркутска.

Преосвященный Ириней Нестеровичъ, родомъ малороссъ, (сербъ?), окончилъ, въ 1805 году, курсъ въ Кіевской академіи; въ 1813 году постриженъ, а въ 1817 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1820 году былъ назначенъ ректоромъ Кишиневской семинаріи и изъ этой должности, въ 1826 году, 31-го января, возведенъ въ санъ епископа пензенскаго и саратовскаго ¹⁾. Въ 1830 году 26-го іюля, назначенъ архіепископомъ иркутскимъ и нерчинскимъ; 28-го іюня 1831 года уволенъ на покой въ Спасо-Прилуцкій монастырь; оттуда переведенъ въ Толгскій монастырь (Ярославской губерніи), гдѣ и скончался въ 1864 году, 18-го мая. Въ Иркутскъ, на его мѣсто, былъ назначенъ (18-го іюля 1831 года) Мелетій Леонтовичъ, епископъ пермскій († въ Харьковѣ, 29-го февраля 1840 года).

Одесса.

Сообщ. А. Н. Сергѣевъ.

II. Выше мы замѣтили, что, независимо отъ списка донесенія генераль-губернатора Лавинскаго, полученнаго нами изъ Одессы, другой мы получили изъ Омска. Эта копія сопровождается слѣдующими примѣчаніями одного достопочтеннаго мѣстнаго протоіерея:

1) Въ святцахъ и мѣсяцесловахъ нѣтъ имени Ириней, но имя Ириней есть, и въ «Указателяхъ именъ святыхъ православной церкви», иначе въ «Алфавитныхъ росписахъ именъ святыхъ», прилагаемыхъ къ инымъ святцамъ и мѣсяцесловамъ, имя Ириней справедливо называется греческимъ и съ греческаго переводится миренъ, мирный.

¹⁾ Смотри біографич. данныя объ Ириней, въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 477—478; 684. 1879 г., томъ XXIV, стр. 159—163.

2) Иринеи былъ весьма раздражителенъ по характеру, унаслѣдованному имъ отъ предковъ (по отцѣ преосвященный Иринеи былъ сербъ, а по матери— молдаванинъ). Поступокъ его скорѣе можно бы назвать самодурствомъ, сумазбродствомъ, но не бунтомъ. Чтѣ бы значилъ «бунтъ» архіерея, которому не подчиненъ ни одинъ не только офицеръ, а и солдатъ, и который въ какіе-нибудь 11 мѣсяцевъ пребыванія на епархіи (Иринеи прибылъ въ Иркутскъ 17-го октября 1830, а напумѣлъ тамъ 20-го сентября 1831 года), особенно еще не могъ привязать къ себѣ толпу, состоявшую изъ горсти городской черни и нѣсколькихъ поселенцевъ, которой гражданское начальство почему-то особенно и поопасалось?!—Вотъ еще что: преосвященный Иринеи, бывши раздражителенъ по самой своей южно-славянской натурѣ, былъ таковымъ и вслѣдствіе какого-то расстройства въ своемъ организмѣ. При первомъ служеніи архіепископа Иринея въ Иркутскѣ находился, между прочимъ, умный и наблюдательный прѣзжій медикъ. При встрѣчѣ послѣ того служенія съ однимъ изъ сослужившихъ съ преосвященнымъ (протоіереемъ Грозовымъ), медикъ сказалъ ему: «у васъ съ этимъ архіереемъ добра не будетъ».—А почему же бы такъ?—«У него разлита желчь, онъ никогда не можетъ быть спокоенъ». Раздражительность, непокой въ своемъ характерѣ преосвященный Иринеи и самъ сознавалъ: то-ли въ вологодскомъ Прилуцкомъ, то-ли въ ярославскомъ Толгскомъ монастырѣ живя, онъ не разъ говаривалъ: «хотя имя мое Иринеи значить миръ, но я ни съ кѣмъ не могъ быть въ мирѣ»¹⁾.

3) Замѣчаніе Э. И. Стогова, автора статьи «Бунтъ иркутскаго архіепископа Иринея», что литургіи, совершаемыя преосвященнымъ Иринеемъ, въ иной разъ походили на ротное ученіе, вполне справедливо. Въ Иркутскѣ до сихъ поръ помнятъ и рассказываютъ и о другихъ выходкахъ архіепископа, кромѣ тѣхъ, которыя приведены въ названной статьѣ. Иныя изъ этихъ выходокъ были явно направлены противъ генераль-губернатора Лавинскаго; но Лавинскій молчалъ и терпѣлъ. Только вдругъ онъ получаетъ отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, кн. Мещерскаго, бумагу, въ которой было сказано, что до свѣдѣнія государя императора дошло²⁾, будто архіепископъ иркутскій Иринеи подвергся разстройству умственныхъ способностей, и которую предоставлялось ему, генераль-губернатору, изслѣдовать, чтѣ тутъ походяго на правду, но изслѣдовать безъ малѣйшей письменной огласки. Сначала Лавинскій недоумѣвалъ, чтѣ ему дѣлать, какъ поступить, но потомъ нашедся... Бумага отъ кн. Мещерскаго была получена на Пасхѣ 1831 года, Лавинскій на Пасхѣ же далъ балъ, пригласилъ на него, какъ говорится, весь городъ и приказалъ довѣреннымъ лицамъ за стѣнами, чтѣ будутъ говорить объ архіереѣ. А какъ преосвященный Иринеи былъ въ то время единственнымъ предметомъ городского говора, то гости, и особенно гости, ничего не подозрѣвая, громко и безъ всякихъ стѣсненій передавали свои свѣдѣнія другъ другу, кто чтѣ слышалъ или видѣлъ въ соборѣ во время архіерейскихъ служеній. За стѣнами весь этотъ говоръ записывали, и все записанное было послано чрезъ оберъ-прокурора св. синода къ государю императору, какъ гласъ

¹⁾ «Иркут. епарх. вѣд.» 1878 г., № 46. «Яросл. епарх. вѣд.» 1864 г., № 22.

²⁾ Кто донесъ императору Николаю Павловичу о странностяхъ въ словахъ и дѣйствіяхъ преосвященнаго Иринея, свидѣтельствовавшихъ о не совсѣмъ нормальномъ состояніи его головы, это доселѣ покрыто мракомъ неизвѣстности.

народа. Тогда уже государь и далъ св. синоду повелѣніе уволить преосвященнаго Иринея, какъ помѣшавшагося въ разсудѣ, отъ управленія епархіей и послать его, по выбору самого синода, въ какой-либо монастырь. Синодскій указъ объ отрѣшеніи архіепископа Иринея отъ управленія епархіей и назначеніи для мѣстожителства ему вологодскаго Прилуцкаго монастыря, а также и правительственное предписаніе генераль-губернатору объ отправленіи его до Вологды въ сопровожденіи благонадежнаго чиновника, были получены въ Иркутскѣ 4-го сентября 1831 года. Какъ принялъ этотъ указъ и это предписаніе преосвященный Ириней и какъ онъ, затѣмъ, при назначеніи для его препровожденія чиновника Голубова, нашумѣлъ, нагамѣлъ, это подробно описано въ интересной статьѣ Э. И. Стогова, помѣщенной въ «Русской Старинѣ», изд. 1878 года, томъ XXIII, и едва-ли еще не подробнѣе, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣе, описывается въ помѣщаемомъ выше донесеніи государю императору генераль-губернатора Восточной Сибири Лавинскаго.

4) Есть слухъ, что, вмѣстѣ съ эстафетой о безпорядкахъ, учиненныхъ преосвященнымъ при назначеніи для препровожденія его чиновника, къ государю императору отъ генераль-губернатора Лавинскаго, съ согласія сего послѣдняго, была отправлена туда же эстафета и отъ самого преосвященнаго. Но она-то окончательна и утвердила государя въ мнѣніи объ умопомѣшательствѣ Иринея.

Какъ преосвященный Ириней увезенъ былъ изъ Иркутска, въ статьѣ г. Э. И. Стогова разсказано подробно. Здѣсь слѣдуетъ только сказать, что это событіе совершилось въ ночь на 26-е ноября 1831 года, день святителя Иннокентія, иркутскаго чудотворца. Иркутяне прозрѣваютъ въ этомъ какъ бы наказаніе преосвященному за то, что онъ какъ-то не совсѣмъ благоговѣнно иногда относился къ святому, первому (по времени) иркутскому архіерею.

5) Преосвященный Ириней въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ велъ жизнь не только строго-иноческую, но и праведную, чѣмъ приобрѣлъ себѣ глубокое уваженіе во многихъ и многихъ изъ жителей Вологды, за что ему было въ послѣдствіи разрѣшено архіерейское служеніе и почему онъ былъ, наконецъ, перемѣщенъ изъ вологодскаго Прилуцкаго монастыря въ ярославскій Толгскій первоклассный монастырь, притомъ съ управленіемъ сего послѣдняго.

Интересныя и назидательныя воспоминанія о преосвященномъ Иринеѣ и въ особенности о его пребываніи въ Прилуцкомъ монастырѣ, составленны уже по его смерти (18-го мая 1864 года) однимъ изъ его почитателей, инспекторомъ Вологодской гимназіи г. Fortunатовымъ, были напечатаны въ «Вологодскихъ епарх. вѣдомостяхъ» 1868 года, около № 9—12.

Протоіерей Суд—жій.

г. Омскъ.

III. Многое изъ помѣщеннаго въ «Русской Старинѣ» объ епископѣ пензенскомъ и саратовскомъ Иринеѣ передается въ тамошнемъ краю отъ одного поколѣнія другому, а потому живо и до настоящаго времени. Всего чаще разсказывается объ отвѣтахъ преосвященнаго одному изъ флигель-адъютантовъ, прибывшему въ Пензу съ императоромъ Александромъ I-мъ, и попытавшемуся пронизировать съ владыкою, послѣдствіемъ чего были отвѣты архіерея: «ты адъютантъ царя земнаго, а я адъютантъ царя небеснаго» и «благословляю свинью изъ чужаго стада».

Для полноты этихъ разсказовъ могу сообщить еще одинъ отвѣтъ преосвященнаго Ириней пензенскому полиціймейстеру, какому-то военному изъ пѣмцевъ, фамилія коего затерялась въ памяти разскащиковъ.

Отвѣтъ преосвященнаго возникъ изъ нижеслѣдующаго. Передъ прїѣздомъ императора въ Пензу, весь городъ вымылся, вычистился и принарядился; но архіерейскій домъ, стоящій и теперь на главной городской площади, противъ собора, и черезъ это долженствующій неминуемо понасть прїѣзжимъ на глаза, оставался не очищеннымъ отъ массы голубинаго помета, покрывавшаго всѣ карнизы, всѣ наличники и подоконники. Въ виду такого безобразія, полиціймейстеръ явился къ преосвященному и именемъ губернатора попросилъ владыку приказать почистить и побѣлеть свой домъ.

— А для какой potreбы нужно губернатору, чтобъ почистили и побѣлили мой домъ? — спросилъ архіерей.

— Какъ для какой! — воскликнулъ полиціймейстеръ, — да развѣ вашему преосвященству неизвѣстно, что на-дняхъ пожалуетъ въ Пензу государь императоръ!?

— Слышалъ, — отвѣтилъ владыка, — но не вижу причины, по которой мнѣ слѣдуетъ чистить и бѣлеть домъ.

— Какъ не видите, — возразилъ полиціймейстеръ, — вѣдь государь будетъ въ соборѣ и, проѣзжая мимо вашего дома, замѣтитъ ту мерзость, которая накопилась на стѣнахъ и всюду этого дома.

— Такъ, стало-быть, губернаторъ желаетъ, чтобъ никакой мерзости не было бы во время бытности государя въ Пензѣ? — спросилъ владыка.

— Объ этомъ и спрашивать нечего, — отвѣтилъ полиціймейстеръ.

— Но, послѣ этого, гдѣ же будешь ты въ это самое время? — спросилъ преосвященный.

— Какъ гдѣ! — запросилъ въ свою очередь удивившійся полиціймейстеръ.

— Да, именно гдѣ, желалъ бы я знать, — повторилъ владыка.

— Само собою разумѣется, — отвѣчаетъ полиціймейстеръ, — что я буду встрѣчать государя, вмѣстѣ съ губернаторомъ и прочими властями, и буду представленъ ему лично.

— Ну, при такомъ случаѣ, когда ты, высшая мерзость нашего города, явишься передъ лицомъ государя, то скажи губернатору, что мнѣ не для чего чистить и бѣлеть свой домъ, потому что домъ мой втрое, вдесятеро чище тебя былъ, есть и будетъ, — и этимъ заключилъ владыка свой разговоръ съ полиціймейстеромъ, незаслуживавшимъ, въ дѣйствительности, лучшаго о себѣ отзыва, по своей безнравственности и взяточничеству.

Уцѣлѣвъ въ памяти моей еще одинъ разсказъ, въ коемъ преосвященный Ириней является въ подобающемъ архипастырю свѣтѣ.

Объѣзжая свою обширнѣйшую епархію, Ириней прибылъ въ Царицынъ, гдѣ и остановился въ одномъ изъ деревянныхъ домовъ этого города. Въ домѣ этомъ очистили для него одну чистую и лучшую половину, въ другой же помѣстились сами хозяева. По прихотн-ль, или по свойственному ему своеобразію, но только владыка, какъ вошелъ въ этотъ домъ, такъ, не выходя изъ него никуда, прожилъ въ немъ затворникомъ цѣлыя двѣ недѣли. О чемъ думалъ, чѣмъ былъ озабоченъ въ эти дни заѣзжий въ Царицынъ гость, знаетъ лишь одна его святительская душа, такъ какъ онъ не имѣлъ во все это время ни съ кѣмъ сообщенія, и лишь однажды послалъ своего служку къ хозяйкѣ дома, спросить ее: «что такое за тревіе и шуршаніе слышится онъ черезъ стѣну въ хозяйской половинѣ, не дающее ему покоя?» На запросъ этотъ

служба принесъ отвѣтъ хозяйки: «доложи его преосвященству, что нынѣ суббота, а потому, по нашему царицынскому обычаю, во всѣхъ домахъ моютъ полы и чистятъ стѣны и потолки комятъ дресвою, чтобъ къ празднику было въ домѣ чисто и бѣло».

Наконецъ, владыка повѣстилъ царицынскому протопопу, что намѣренъ совершить въ соборѣ литургію. Вѣсть объ этомъ, столь долго и томительно ожидаемая, облетѣла весь городъ, и всѣ царицынцы, отъ мала до велика, стеклись въ свою соборную церковь. И вотъ, о проповѣди, произнесенной Иринеемъ, по окончаніи имъ литургіи, сохранилась во всей бывшей епархіи его живая память до сего дня. Задушевный разговоръ о содержаніи ея слышалъ я въ началѣ сороковыхъ годовъ въ г. Кузнецкѣ, Саратовской губерніи. Суть разсказа заключается въ томъ, что преосвященный Ириней, выйдя, по окончаніи литургіи, въ мантии и съ посохомъ, изъ алтаря, всталъ на амвонѣ и обратился къ народу съ импровизованною рѣчью, вступленіемъ къ коей было слѣдующее: «Господу Богу благоугодно было, чтобъ я, смиренный, прожилъ бы въ вашемъ городѣ довольное число дней. Въ дни сіи я познакомился съ однимъ изъ прекрасныхъ обычаевъ вашихъ—очищать дресвою нечистоту жилищъ передъ праздниками. О, если бѣ вы, благочестивые слушатели, одинаково и вмѣстѣ съ этимъ очищали бы предъ праздниками и сердца ваши слезами покаянія». . . и пошелъ и пошелъ, говоря словами разсказчиковъ, говорить на эту тему, да такъ говорилъ, что вся церковь плакала навзрыдъ.

За одно это отрадное воспоминаніе о дѣятельности Иринеева, какъ архипастыря, можно и должно пожелать, чтобъ въ сказаніяхъ о немъ открылись бы и другія свѣтлыя стороны изъ его жизни и изъ его дѣяній.

С.-Петербургъ.

Аскалонъ Никол. Труворовъ.

Примѣчаніе. Не относится ли разсказъ о разговорѣ Иринеева съ полиціймейстеромъ Пензы къ эпохѣ императора Николая, такъ какъ Ириней хирот. изъ архимандритовъ бессарабскаго Курковскаго монастыря на кафедрѣ пензенскаго епископа только 31-го января 1826 г. Съ 3-го ноября 1828 г. онъ именуется: «Пензенскій и Саранскій». 26-го іюля 1830 г. перев. въ Иркутскъ. См. «Списки іерарховъ російск. церкви», состав. П. Строевъ, издано Археографическою Коммисіей подъ редакціей члена Коммисіи М. И. Семева, стр. 953 и 555.